

ВРАЖДЕБНА ЛИ СОЦИАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКУ?

(вопросы к проф. В.М. Розину)

Резник Юрий Михайлович: Вадим Маркович! Мы давно с Вами хотели встретиться и обсудить тему «Враждебна ли социальность человеку?». Из чего я исходил, когда предлагал Вам эту тему?

Во-первых, я согласен с Вами в том, что социальность можно понимать антропологически или социологически. С точки зрения антропологии, она характеризует совокупность свойств и ценностей человека, которые он приобретает в ходе социализации. Социологизаторский подход определяется социальность в терминах надындивидуальных структур деятельности и общения, одним из критериев оценки которых выступает эффективность.

Во-вторых, социальный мир и мир человека не совпадают, а лишь пересекаются друг с другом. С одной стороны, социальный мир характеризует сферу взаимодействия множества людей, разделенных в зависимости от разных критериев на группы и сообщества. Социальность конкретного человека – это всего лишь сегмент социальной реальности. С другой стороны, мир человека охватывает физические, биологические и духовные измерения. Очевидно, что социальность есть лишь одно из измерений человеческого. Имеются еще и другие. Следовательно, для человека социальность не является единственной и доминирующей сферой его жизни.

В-третьих, социальность не только соотносится с миром человека, но и противостоит ему как «хорошая» или «плохая», «своя», «дружественная» или «чуждая» и даже «враждебная» реальность. В дальнейшем я попытаюсь обосновать тезис о том, что социальность враждебна человеку и ограничивает его свободу. С моей точки зрения, это – «вынужденная совместность», т.е., как минимум, наименьшее из зол, которое ему приходится выбирать, чтобы выжить в современном мире.

Перейду теперь к самим вопросам.

1. Ю.М.: Давайте определимся для начала в том, что такое «социальное» и «социальность». Для меня социальное – это «исторически обусловленный способ совместного бытия людей, порождаемого и воспроизводимого посредством их многочисленных и разнообразных практик...» [2, 11]. Но это лишь первое и весьма приблизительное определение.

Социальность следует отличать, на мой взгляд, от социального (или мира социального) как форму от материи. Это есть «внешнее», потустороннее бытие человека, которое он, чтобы выжить, вынужден разделять вместе с себе подобными. С моей точки зрения, социальность надстраивается над глубинными структурами человеческого существования, его экзистенцией как во многом чуждая и враждебная реальность, сковывающая творческий потенциал человека и паразитирующая на нём.

А Вы как считаете?

2. Ю.М.: Теперь несколько слов о социальной теории. Очевидно, что под этим неопределенным термином понимают обычно различные концептуализации социального, социальной реальности. По своему статусу такая теория не имеет строгой дисциплинарной принадлежности. Она не является в строгом смысле научной теорией. Поэтому её нельзя отнести ни к философскому знанию, ни к социологическому. Еще в 1999 г. в двух первых частях своей книги «Введение в социальную теорию» я высказал предположение, что социальная теория является «переходным мостиком» между социальной философией и социологической теорией.

Однако Вы придерживаетесь другого взгляда. Для Вас «социальная теория – это знание не о внешней для человека реальности, а о нем самом, его отношениях с другими, условиях его бытия. Доверяя другим людям, подтверждая собственную жизнь в их жизни (феномен идентификации) человек часто принимает и социальные схемы, предлагаемые и внушаемые социальными учеными и технологами» [4, 10]. Полагаю, что это атропоцентристский взгляд на социальную теорию, который разделяют лишь немногие исследователи. Значительная же часть социальных теоретиков исповедует принцип социотризма, в котором человек предстает как социальный атом или в лучшем случае – социальный агент или субъект социального действия. Все другие сущностные определения человека (организм, родовой человек, индивидуальность, личность и пр.) не имеют при таком подходе существенного значения.

По-Вашему мнению, в зависимости от принимаемого критерия социальные теории могут быть ориентированы на революционные преобразования, поддержание стабильности, модернизацию и пр. Такие теории могут быть экспериментальными или эволюционными, критическими или рефлексивными, аналитическими или реалистическими. С Вашей точки зрения, всё зависит от критериев, которые мы выбираем или требований, которыми руководствуемся. Но если предположить, что социальная теория строится на антропологических оснований, то она также, как и общество, может быть «хорошей» или «плохой». Наверное, Вы предпочитаете строить «хорошую» теорию. А мне как «плохому следователю» приходится иметь дело с её другой, не очень привлекательной версией.

Но почему бы не предположить, что социальная теория, оперирующая категорией социальности, выступает обоснованием «человеческой инженерии» и манипулирования поведением человека, его превращения в институционального болванчика. А социальные теоретики и технологии – это своего рода «слуги дьявола», которые способствуют порабощению человека, изобретая для него изощренную клетку. В известном смысле они занимаются конструированием социальных оков или рамок для человека.

Конечно, Вы, Вадим Маркович, вряд ли примите такую радикальную точку зрения относительно статуса социальной теории и роли социальных теоретиков. Какова же Ваша собственная позиция в этом вопросе?

3. Ю.М.: Еще раз вернемся к вопросу о природе социальности. Я уже писал о том, что «социальное» можно рассматривать как определенную «рамку», фрейм (от англ. frame – каркас, остов, рамка, структура, система координат). Оно фиксирует, «с одной стороны, пределы нашего познания обозначаемой данным понятием сферы действительности (когнитивный аспект), а, с другой, структурную организацию мира социального, на который налагается акторами бесконечное число рамок – нормативных, нравственных, политических и т.д. (“формальный” аспект: социальное в целом представляет собой некую общую рамку всех существующих, мыслимых и немыслимых рамок)» [2, 10]. Именно социальность как один модусов социального полностью укладывается в «рамочный подход».

С этой точки зрения, социальность – чужеродная структура для человека. В ней он чувствует себя неуютно и дискомфортно, как животное в клетке. К тому же она вторгается в его жизнь, проникает в жизненный мир. И другой реакции, кроме отторжения, от него ждать не приходится. В своей борьбе с социальностью человек использует разные антропотехники, в т.ч. технику ускользания или избегания прямого столкновения с системой.

Возникает вопрос: как и насколько социальность уродует природу человека? Где находятся границы её воздействия на него?

4. Ю.М.: Хочу провести логическую линию от толкования социальности к пониманию антигуманного статуса социальной инженерии. Начну с характеристики связи социальности и культуры. Вам известно, что В.С. Степин постоянно подчеркивал, что культура представляет собой набор программ надбиологического существования человека. С этой точки зрения, человеческую социальность можно рассматривать как самопрограммируемую систему, которая направляется и обслуживается конкретно-исторической культурой. В определенном смысле социальность выступает оболочкой или формой существования культуры. Она культуроцентрична. А значит источник программирования человеческого поведения следует искать не в самой социальности (как форме межчеловеческого бытия или со-бытия), а в культуре (как системе смыслополагания). Другими словами, причины патологии социальности и её деструктивного воздействия на мир человека коренятся в культуре.

Но обратимся к Вашей книге «Природа социальности». На примере анализа феномена холокоста у З. Баумана Вы показываете, что речь идёт о наиболее радикальной и нечеловечной форме социальности. Наверное, у всех форм тоталитарной социальности имеются общие черты: господство идеологии, подавление общества государством, неразвитость демократии,

создание эффективной системы подавления, деградация и нравственное перерождение личности. И социальная инженерия выступает инструментом преобразования социальности в соответствии с идеальной, чаще всего репрессивной картиной мира.

Конкретизирую свой тезис. Так, в упомянутой книге Вы приводите цитату из работы З. Баумана «Актуальность холокоста», где последний распространяет принципы и технологии социальной инженерии, изобретенные идеологами фашистского режима, на современное общество. Бюрократия и рационализм – вот неизбежные спутники социальной инженерии, иницирующей современный геноцид. Значит ли это, что практически любая форма социальности независимо от систему культурных координат является рамочной конструкцией, возникающей с целью подавления человека и ограничения его активности? Я полагаю, что да. Всё зависит от степени институционального насилия. Вы же частично отвечаете на этот вопрос, когда утверждаете, что логика социальной инженерии – это логика технической рациональности, т.е. логика машины, направленной на достижение эффективности, экономии и качества. Там, где господствуют машины, нет места человеческой индивидуальности.

Как бы Вы могли прокомментировать этот текст?

5. Ю.М.: Теперь о «роли личности в истории». Социальная инженерия превращает не только чиновников в бездушных винтиков и колесиков, на чем Вы настаиваете в своей книге, но и обычных людей. Из их жизни устраняется всё живое и настоящее. Сами же они ставятся перед выбором между моральным долгом и необходимостью самосохранения. Машиноподобное общество производит машиноподобных людей, лишенных чувства сострадания и милосердия. Остаются личности, которые могут оказать при определенных условиях моральное сопротивление. С Вашей точки зрения, их следует отличать от социальных индивидов, действующих в соответствии с нормами и институциональными требованиями. Но личностям нет места в социальной системе, если только они ею не управляют.

Итак, на одной стороне социальности стоят институты и другие машиноподобные конструкции с их склонностью к обезличиванию и нивелированию различий, а на другой – личности, привносящие в мир свой уникальный стиль. Последние, с Вашей точки зрения, ищут точку опоры в себе и строят мир, соответствующий их собственным убеждениям. Вопрос же о правомерности исследования мира человека, соединяющего в себе позиции социального индивида, личности и контекстного субъекта, я оставляю открытым. Мне еще предстоит разобраться в этом. Очевидно, что индивид является элементом социальности, а личность творит собственную, персональную реальность. Между обоими реальностями лежит нейтральная полоса, которую по-видимому занимает у Вас контекстный субъект.

Согласны ли Вы с таким пониманием?

6. Ю.М.: В своей книге «Природа социальности» Вы анализируете, в частности, выступление Ю. Латыниной на «Эхо Москвы», которая считает госзависимость населения страны своего рода болезнью, трудно поддающейся излечению. Получается патологическая картина социальной действительности России. Практически все больны и поддерживают систему насилия, получая взамен чечевичную похлебку. Вы называете эту болезнь социальной наркоманией и выявляете в логике Латыниной противоречие (наличие двух логик, которые не совпадают по сути). Я же рассматриваю её наблюдения как иллюстрацию к тому, что можно назвать «зонами отчуждения» в современной России. Это – безжизненные или малопригодные пространства для жизни обычных людей. Именно такой является социальность, в тисках которой пребывает большинство российских граждан.

Вопрос же мой к Вам состоит в следующем: на каком основании Вы относите суждения Латыниной к социалистическому дискурсу. В своё время нас учили тому, что социализм – это общество тружеников. Она же рисует образ общества паразитирующих рабов, которые не работают и живут на гуманитарную помощь или государственную поддержку. Власть в свою очередь боится народ и откупается от него мелкими подачками. Где же здесь социальная справедливость? Да, можно говорить о временном и уродливом социальном компромиссе, но не больше. Или Вы думаете как-то иначе?

7. Ю.М.: Вадим Маркович! В 3 главе своей книги «Природа социальности» Вы подробно рассматриваете топы социальности, которые позволяют её конституировать (и конструировать). Первый топ задает способ конституирования социальности исследователем. В этой связи Вы подробно анализируете Маркса и его учение об источнике богатства капитализма. Но главный вывод, к которому Вы приходите, таков: чтобы «понять работу социального ученого, нам необходимо отразить его ценностные установки (предпосылки), образующие рамку его мышления...» [4, 136]. И, прежде всего, речь идёт у Вас о представлениях, как возможна совместная жизнь, об установке на объяснение массового, типичного поведения и учете связи социальных процессов с трансформирующим их социальным действием. Далее Вы демонстрируете это на примере дискурса социальной справедливости, определяющего во многом ведущий тип социальности. В известном смысле можно сказать, что каков в обществе тонус социальной справедливости, такова и сама социальность.

Но буду придерживаться Вашей логики. Так, по Вашему мнению, «для современной социальности характерны определенные формы осознания действительности..., а именно либерально-демократические (право, гуманизм и т.д.), стремление к социальному миру, возможность государства перераспределять доходы (налоги, выплаты, льготы, преференции и пр.), заинтересованность многих социальных субъектов и организаций в подобном

распределении..., вменение общественности нужных ценностей и видения (СМИ, пиар, реклама)» [4, 151]. Тем не менее, составной частью нового (ведущего) типа социальности Вы считаете социалистический дискурс о социальной справедливости, хотя он играет всё же подчиненную роль.

В связи с этим у меня к Вам несколько вопросов: «Что представляет собой ведущий тип социальности применительно к России? Сможем ли мы в ближайшее десятилетие выйти из зоны отчуждения и построить человеко-размерную социальность? И почему Вы уверены, что социалистический дискурс у нас исчерпал себя и новый тип социальности является конфигурацией разных проектов и, прежде всего, либерального?».

8. Ю.М.: В этой же главе книги Вы ссылаетесь на В. Лапкина и В. Пантина, которые, в частности, пишут: «Политическая система России циркулирует по траектории, пролегающей между двумя равно непродуктивными состояниями: «навязанного единства», обусловленного победой одной части элиты над другой, и раскола элиты и бескомпромиссных внутри-элитных “войн” за власть, закрывая для страны единственно реальный путь к консолидированной демократии – путь легитимации “пакта”... Российская элита по сей день, похоже, мало готова к компромиссу, согласию и осознанному самоограничению власти...» [цит. по: 4, 172].

Из этих рассуждений Вы делаете вывод: «естественной средой жизни общества выступает политика в широком смысле, если последняя невозможна или деформирована, как в России, общество парализовано и слабо» [4, 172-173]. Значит ли это, что в нынешней России нет политики, как таковой? А то, что есть, выступает по меньшей мере её имитацией, когда любой социальный проект реализуется вопреки программе и приводит к деструктивным последствиям. И здесь же Вы пишете об отсутствии обратной связи, несменяемости власти и использовании современных технологий для манипулирования и пр. [4, 195-196]. Я всё это отношу к уродливым чертам российской социальности.

А мой вопрос заключается в следующем: «Что Вы думаете сегодня о перспективе трансформации власти в современной России на демократических основаниях? И сможет ли возродиться в этой связи гражданское общество? Или мы обречены на перманентные “верхушечные” изменения, не затрагивающие фундаментальных основ жизни общества?». Это особенно актуально в связи с недавно прозвучавшими инициативами Президента по изменению Конституции РФ.

9. Ю.М.: Вадим Маркович! В заключительной части нашей беседы хочу отнестись вкратце к Вашим тезисам. Я согласен с Вами, что «всякая социальность угрожает человеку». Но мне представляется, что она не просто угрожает, а враждебна ему по определению. И дело здесь не в «экспроприации экспроприаторов» или «легитимации насилия», на что Вы

указываете и в книге, и в тезисах. А в том, как относиться к самой социальности. Не случайно Ваш учитель Г.П. Щедровицкий полагал, что, несмотря на угрозу тоталитарной социальности, нужно иметь собственное содержание жизни и следовать своим путем, что он демонстрировал на личном примере. Но я не согласен с его утверждением, что тоталитаризм есть «творение российского народа». Для меня это – результат очередного верхушечного переворота или победы определенной части политической элиты, которая навязала обществу свои представления о национальном единстве. Однако единство в условиях отсутствия нации оказалось всего лишь видимостью. Другое дело, что народ был не готов к массовому сопротивлению и духовно сломлен. Об этом Вы пишете, в частности, в своей книге «Природа социальности».

Не могу признать убедительными доводы Юлии Латыниной, которая видит опасность для человека со стороны движения «левых». Не верю я также и в конвергенцию капитализма и социализма. Но это вопросы для отдельного обсуждения. Меня больше смущает ваш седьмой тезис о том, что в ситуации глобальных угроз и снижения культурных начал возрастают «силы зла». Звучит почти мистически. Противостоять злу на уровне индивидуального бытия может, с Вашей точки зрения, только личность, выработавшая стратегию правильной жизни. Для меня такая постановка проблемы не является достаточно убедительной. Слишком мало у нас личностей, способных противостоять системному беспределу государства и бюрократии.

Мои же заключительные вопросы к Вам таковы: «А кто же должен противостоять угрозам социального мира на коллективном уровне, если гражданского общества у нас нет и не предвидится в ближайшее время? И где же те «силы добра», которые будут работать на будущее человека и общества? Могут ли спасти ситуацию разрозненные гражданские организации и союзы, если они целиком и полностью зависят от государства или контролируются многочисленным отрядом бюрократии?».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резник Ю.М.* О статусе социальной теории и её антропологической ориентации // *Личность. Культура. Общество.* Том 4. 2002. Вып. 3-4 (№№ 13-14). – С. 93-106.
2. *Резник Ю.М.* Социальная реальность: идеи и практики (начало) // *Личность. Культура. Общество.* Т. 10. 2008. Вып. 3-4 (№№ 42-43). – С. 9-19.
3. *Резник Ю.М.* Социальная реальность: идеи и практики (начало) // *Личность. Культура. Общество.* Т. 10. 2008. Вып. 5-6 (№№ 44-45). – С. 10-21.
4. *Розин В.М.* Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 288 с.
5. *Розин В.М.* Роль социального программирования и технологизации в проектировании и модернизации городов. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 200 с.